

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ СМЕНОВЕХОВСТВА

Аннотация.

Актуальность и цели. Социологическое наследие русского послеоктябрьского зарубежья – неотъемлемая часть отечественной интеллектуальной истории. Особый интерес здесь представляет тема революции и философско-социологическое осмысление революционных событий в России. Предмет статьи – социология революции сменовеховства – идейно-политического течения, возникшего в среде русских эмигрантов в начале 20-х гг. XX в. Цель статьи – выявление основного содержания и методологических подходов русских мыслителей к осмыслению проблемы революции.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования основных представителей сменовеховского движения: Н. В. Устрялова, Ю. В. Ключникова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрисцева-Пушкина, С. С. Чахотина, Ю. Н. Потехина, трудов российских ученых, посвященных рассматриваемой проблематике. Методологический инструментарий включает сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет раскрыть содержание и оригинальность социологических взглядов на проблему революции.

Результаты. В статье раскрываются теоретические источники социологии и философии революции сменовеховства, осмысливается ее содержание, показывается неоднозначный характер концепции русской революции участников сменовеховского движения.

Выводы. На основе анализа социологических и историко-философских источников делается вывод о том, что данный тематический срез отечественной социологической мысли позволяет увидеть своеобразный взгляд на природу русской революции и путях развития социально-политического и экономического процессов в стране, получить объемное изображение переломного периода отечественной истории.

Ключевые слова: сменовеховство, русская революция, социология революции, провиденциализм, топографический национализм, эволюционизм, природа революции, преодоление революции.

V. P. Kosharnyy

REVOLUTION SOCIOLOGY OF THE SMENOVEKHOVTSY

Abstract.

Background. The sociological heritage of the Russian post-October abroad is an integral part of the Russian intellectual history. Of special interest here is the topic of the revolution and philosophical-sociological understanding of the revolutionary events in Russia. The subject of the article is the revolution sociology of the smenovekhovtsy – an ideological political movement occurred in the Russian emigrant community in early 1920s. The aim of the article is to reveal the main content and methodological approaches of the Russian thinkers to understanding the problem of the revolution.

Materials and methods. The research tasks were implemented through analyzing works by key representatives of the smenovekhovtsy: N. V. Ustryalov, Y. V. Klyuchnikov, S. S. Lukyanov, A. V. Bobrishchev-Pushkin, S. S. Chakhotin, Y. N. Potekhin,

as well as by Russian scholars, devoted to the subject matter. The methodology included the comparative historical method allowing to reveal the content and originality of sociological views on the problem of the revolution.

Results. The article discloses theoretical sources of the revolution sociology and philosophy of the smenovekhovtsy, grasps its content, displays the ambiguous nature of the smenovekhovtsy's conception of the Russian revolution.

Conclusions. Based on the analysis of sociological and historical-philosophical sources, the author concludes that the given topical profile of the Russian sociological thought gives a distinctive view on the nature of the Russian revolution and paths of development of sociopolitical and economic processes in the country, shows a dimensional image of the crucial point of the Russian history.

Key words: smenovekhovtsy, Russia revolution, revolution sociology, providentialism, topographic nationalism, evolutionism, revolution's nature, overcoming a revolution.

Сменовеховство возникло и оформилось как идейно-политическое течение в кругах русской послеоктябрьской эмиграции в начале 20-х гг. XX в. с окончанием гражданской войны и переходом страны к новой экономической политике. Название течения связано со сборником «Смена вех», вышедшим в свет в Праге в июле 1921 г. В сборник вошли статьи шести авторов: Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. Все авторы сборника принадлежали к либеральной традиции, входили в умеренную часть политического спектра русской эмиграции, большинство из них были активными участниками белого движения.

Возникновение сменовеховства отразило процесс расслоения и распада единства антибольшевистского лагеря, особенно усилившийся после неудачных попыток вооруженного свержения советской власти и вступления советского государства на новый путь экономического развития. Укрепление международного положения Советской России, начавшееся восстановление разрушенного хозяйства отняло надежды у значительной части оппозиционно настроенной интеллигенции как внутри страны, так и за рубежом на быстрый крах политических структур, возникших после победы большевиков в октябре 1917 г. Сложившаяся ситуация потребовала глубокого осмысления совершившейся революции, определения интеллигенцией своих политических позиций.

В сборнике «Смена вех» были изложены теоретические основы движения, его программные идеи. Сборник как бы подводил итог и теоретически оформил настроения на примирение с советской властью, возникшие к этому времени в кругах реалистически мыслящей и патриотически настроенной эмиграции. Идеи участников движения пропагандировали журнал «Смена вех», который издавался в Париже с октября по март 1922 г., а также газета «Накануне», выходившая в Берлине с марта 1922 г. по июнь 1924 г. Сменовеховские идеи оказались созвучными настроению интеллигенции и внутри страны. Значительная часть русской интеллигенции, оставшаяся на территории Советской России, относилась к новой власти с известной настороженностью, если не сказать больше. Новый экономический курс правительства большевиков способствовал сдвигу в позициях либеральной интеллигенции.

Не последнюю роль здесь сыграло стремление государства привлечь высококвалифицированных специалистов к восстановлению экономики. Примирительно настроенная по отношению к советской власти интеллигенция организовала издание сначала в Петрограде, а затем в Москве журнала «Новая Россия» (с августа 1922 г. – «Россия»), вокруг которого группировались представители внутреннего сменовеховства, придерживавшиеся новой ориентации и старавшиеся отделиться от белой эмиграции. Среди авторов журнала были И. Лежнев, С. Андриянов, В. Богороз-Тан, Н. Ашешев и др. На страницах журнала выступали и зарубежные сменовеховцы. Странники сменовеховских идей сотрудничали также с журналами «Экономист», «Экономическое возрождение», «Право и жизнь», «Летопись Дома литераторов», «Литературные записки», «Вестник литературы», принимали участие в сборниках «Парфенон», «Скифы», «Утренники».

Сменовеховство дало свой ответ на вопрос, волновавший всю русскую эмиграцию: есть ли пути примирения интеллигенции с большевистской Россией или все мосты окончательно сожжены, возможно ли возвращение на Родину, чтобы помочь ей, своему народу в трудный период его истории или следует остаться в зарубежье, остаться «непримиренными»?

Несмотря на существенные расхождения в истолковании перспектив социально-экономического и политического развития страны, понимании позитивных программных целей движения, ответ на поставленный вопрос был единым. «У нас нет единого мирозерцания... Каждый из нас исходит из своих собственных предпосылок и тем значительнее, – писал один из участников сборника и лидеров движения Ю. В. Ключников, – что все мы приходим к одному и тому же выводу о необходимости признания советской власти» [1, с. 1–2].

Кратко и заостренно позиция сменовеховства была выражена в названии статьи С. Чахотина «В Каноссу!», поскольку основной идеей сборника «Смена вех» являлось приглашение русской эмигрантской интеллигенции признать свои политические ошибки, принять революцию как явление, благотворное для России, и пойти с покаянием к советской власти. Сменовеховцы предлагали интеллигенции «сменить вехи», политические позиции, занятые ею в годы революции и гражданской войны, отказаться от вооруженной борьбы против советской власти, наносящей ущерб интересам народов России, и принять самое активное участие в экономическом и культурном возрождении страны [2, с. 158–159].

Комплексное рассмотрение сменовеховства как общественно-политического движения, индивидуального процесса смены идейно-политических установок и идейного течения, философско-социологической концепции, базирующейся на вполне определенных исторических и социологических принципах, по-прежнему представляет актуальную научно-исследовательскую задачу. В центре внимания здесь должна быть сменовеховская философия и социология русской истории, их социология революционных событий в России. Эти стороны сменовеховства оказались наименее изученными и освещенными в исследовательской литературе.

Итак, столь радикальная перемена политических установок по отношению к советской власти, итогам революционных событий октября 1917 г. не

могла осуществиться без определенного пересмотра мировоззренческих ориентиров, личных убеждений, формирования нового философско-социологического понимания действительности.

Осмысливая исторический путь России, сменовеховцы ставили перед собой двойную задачу: в свете «новейших революционных переживаний переоценить... предреволюционную мысль; в свете... старых мыслей о революции познать, наконец, истинный смысл творящей себя ныне революции...» [3, с. 6].

Доминантой философско-исторических размышлений участников движения стала идея «великой и единой России» как в отношении пространственно-территориальном, так и в экономическом и социокультурном. Речь шла о возможности воссоздания великой России при помощи советской власти. В письме к П. Б. Струве Н. В. Устрялов писал: «Руководствуясь обстановкой, после бегства из красного Иркутска, я занял здесь одиозную для правых групп позицию национал-большевизма (использование большевизма в национальных целях...). Мне представляется, что путь нашей революции мог бы привести к преодолению большевизма и изнутри» [4, с. 216].

Первая и главная задача на ближайшее будущее – «собрание», восстановление России в качестве великого и единого государственного образования как условия развертывания дальнейших социально-экономических и духовных процессов. Идея «великой и единой России» стала определяющим фактором философско-исторической и социологической концепции сменовеховства. Последняя, в свою очередь, была тесно связана с категорией «территория», приобретшей у идеологов движения не только обычный географический или экономический, но и философско-метафизический смысл. Отвечая своим критикам из среды эмиграции, обвинявшим его в «топографическом национализме», подмене родины как «живого организма» географическим понятием, Устрялов выражал решительное несогласие с представлением о территории как о «мертвом» элементе государства, индифферентным его душе. Для него территория – «наиболее существенная и ценная часть государственной души, несмотря на свой кажущийся грубо физический характер» [5, с. 57]. Устрялов и его последователи исходили из наличия мистической связи между государственной территорией – главнейшим, по их мнению, внешним фактором государства – и государственной культуры, характеризующей «внутреннюю» силу государственных образований.

Методология географического детерминизма, соединенная с идеями Данилевского, Леонтьева и Шпенглера, религиозно-мистическим восприятием действительности, служила основанием сменовеховской ориентации на великодержавность. Лишь «физически» мощное государство может обладать великой культурой. Души малых государств, согласно Устрялову, не лишены возможности быть изящными, благородными, героическими и т.д., но они органически не способны быть великими. Условием «величия» является «большой стиль», большой размах, большой масштаб мысли и действия. Только великие державы способны выполнить мессианскую роль в мировой истории. И если сменовеховцы допускали германский, русский, английский мессианизм, то малым странам в такой возможности решительно отказывалось.

Оперируя понятиями «душа народа», «душа государства», Н. В. Устрялов связывал их качественное содержание прежде всего с понятием «территория». Из трех выделяемых им элементов государственности (власть, население, территория) последний характеризовался как наиболее устойчивый элемент. В подтверждение данного тезиса широко привлекался материал из всемирной истории. Указывалось, например, что смена республиканского строя императорской властью в Древнем Риме мало отразилась на размахе и стиле римской государственной культуры. Франция оставалась великой державой при Людовике XIV, Робеспьере и Наполеоне, и только поражение Наполеона, приведшее к утрате части территориальных приобретений, лишило Францию и части «души».

Что касается населения, то, как считал Устрялов, чтобы стать источником действительной и органической государственной культуры, «население» должно превратиться в «нацию», представляющую собой не естественное, а историко-культурное образование, важнейшим условием появления которого выступает опять-таки фактор территориальный.

Территория оказалась, таким образом, важнейшим фактором исторического процесса, придающим специфические черты политической культуре населяющих ее народов. «Топографический национализм» дополнялся у сменовеховцев принципом «государственной лояльности». Разделяя установки на этический релятивизм в сфере политической жизни, Н. В. Устрялов считал абсолютно устойчивой в этой сфере лишь верховную цель. «Для патриота, – писал он, – эта общая верховная цель лучше всего формулируется старым римским изречением: “благо государства – высший закон”. Принцип государственного блага освещает все средства, которые избирает политическое искусство для его осуществления» [6, с. 19]. Необходимо подчеркнуть, что само понятие «государственное благо» рассматривалось в отрыве от конкретного социально-классового контекста.

Существенным аспектом сменовеховской методологии познания, без учета которого невозможно составить адекватное представление о развиваемой теоретиками движения философии истории и социологии, являлся эволюционизм. История для авторов «Смены вех» – процесс непрерывного, постепенного накопления количественных изменений. Эволюционный исторический процесс – естественное состояние вещей, лишь изредка нарушаемое социальными катаклизмами, которые в конечном счете поглощаются или преодолеваются общим ходом общественной эволюции. Социальные революции с этих позиций рассматривались как явления, выпадающие из органического эволюционного процесса, нарушающие, «искривляющие» естественный ход истории.

Стремление понять сложные социальные реалии в переломный момент человеческой истории выводило социальных мыслителей на теоретический анализ основных закономерностей общественного развития, в частности на проблему соотношения в нем эволюционных и революционных процессов, осознание того факта, что взрывные революционные процессы в известной степени выходят из подчинения общим законам эволюционного развития. Однако проблема соотношения эволюции и революции не получила в работах сторонников «Смены вех» аргументированного решения. А если быть точнее, то проблема была решена крайне односторонне. Правоммерно отвергая

революционаристскую трактовку истории, идеологи сменовеховства противопоставили ей не диалектическое решение вопроса об эволюции и революции как единстве и борьбе двух начал исторического процесса, а утверждение абсолютного значения лишь одного из компонентов эволюции, совершив тем самым ошибку отрицаемого ими же подхода к истолковыванию исторических явлений.

Если говорить об идейных влияниях и концептуальных философско-исторических и социологических истоках сменовеховства, то нельзя не видеть удивительной близости (оставшейся, как ни странно, не замеченной многими исследователями) к кругу идей, разрабатывавшихся рядом консервативных европейских мыслителей и публицистов-историографов Великой французской революции – Ж. Малле дю Пана, Сен-Мартена и прежде всего Ж. де Местра. В основе их концепции – убежденность в провиденциальной сущности революции как кары за грехи человечества и средства создать на месте разрушенного новое государство.

В сменовеховской литературе постоянно воспроизводились мысли Ж. де Местра о революции как проявлении иррациональной стихии жизни, об иллюзорности всякого руководства революцией и руководителях как орудиях и органах революционной стихии, о несоответствии провозглашаемых лозунгов и программ действительному содержанию событий, об ответственности всего народа за ужасы революции, о «пожирании» революцией своих вождей и т.д. Были при этом и прямые ссылки на авторитет французского мыслителя [7]. Нужно сказать, что попытки проникнуть в смысл революции 1917 г. в России через установление аналогий с Великой французской революцией, используя при этом духовный опыт европейской интеллектуальной реакции первой четверти XIX в. на революционные события во Франции, были характерны для всей русской философско-социологической мысли начала XX в.

Рассмотренные выше установки составили, таким образом, отправные точки сменовеховской философии истории, явились методологическими принципами, с позиций которых осмысливались революционные события в начале XX в. в России.

Попробуем проследить теперь, как прилагались эти общие идеи к анализу революционных событий в России 1917 г. и их последствий, прежде всего о понимании места революции в истории России.

Для сменовеховцев революция 1917 г. – это отклонение страны от естественного хода событий, отход от «экономного» движения к будущему, исторический зигзаг, проявление некоторых мистических особенностей русской души, присущих русскому народу мессианских устремлений.

Исходя из вышеизложенной трактовки соотношения эволюционного и революционного путей развития, участники движения не считали революционную форму общественного развития закономерной как для всемирной истории, так и для истории России. Но в то же время они признавали неизбежность происшедшей революции, хотя и видели в ней не начало перехода от капиталистического общества к социализму, а нечто сравнимое лишь с катастрофическими природными явлениями, своего рода «социальное землетрясение», симптом опаснейшей болезни общества, рок и т.д. Стихийная сила

революции настолько могуча и необузданна, что оглушенные ревом революционной бури современники не в состоянии постичь смысла великой катастрофы [8, с. 168]. Стихийность, иррациональное начало представлялись как главные черты всякой революции. В целом для развиваемой ими социологии революции было характерно стремление не разделять февраль и октябрь, а толковать эти качественно отличные фазисы революционного развития страны как единое явление – Великую Русскую Революцию. Это было следствием того, что интерпретация революции в системе сменовеховских философско-социологических идей осуществлялась почти исключительно в историко-культурной плоскости, без обращения к социально-экономическим механизмам и источникам исторического процесса. Историко-культурный подход был нацелен на выявление важнейших общих итогов революционного развития, определивших глубинные социокультурные сдвиги в русском обществе и ставших исходным пунктом нового этапа истории страны. Однако при всей правомерности изучения истории русской революции в указанном ракурсе, интересных исторических наблюдениях и выводах, полученных на этом пути, трудно было рассчитывать на раскрытие реальных причин и движущих сил революции.

В поисках ответа на вопрос о причинах революционного взрыва в России сменовеховцы были не оригинальны. Возможность и неизбежность революции была заложена, с их точки зрения, в «русской стихии», в «русском духе». Через революцию Россия должна была выполнить свое всемирно-историческое предназначение, реализовать пророческие предсказания Чаадаева, Герцена, Достоевского, Вл. Соловьева, осуществив исторический синтез культурных достижений Востока и Запада. Революция для сменовеховцев – это одновременно и продукт западной культуры, кризиса европейских политических форм, устоев формальной демократии и русское национальное явление, характеризующееся глубочайшей связью со всей предшествующей историей.

Важное место в социологии революции сменовеховства занимала концепция интеллигенции как главного творца и носителя политического сознания, ответственного за исторические судьбы страны. Разделяя сформулированную участниками сборника «Вехи» (1909) характеристику русской интеллигенции, своеобразия ее интеллектуального и психического развития, породившего такие черты, как максимализм, нигилизм, установку на революционные методы преобразования жизни, участники «Смены вех» стремились в самой истории России выявить условия, способствовавшие выработке мирозерцания русской интеллигенции и предопределившие ход событий в начале XX в.

Обращаясь к фигуре Петра I, идеологи сменовеховства называли его создателем русской интеллигенции, творцом революции духа, наложившей отпечаток на всю последующую историю российского государства. Больше того, петровские реформы оценивались как начальный этап революции, завершившейся в октябре 1917 г. «Эпоха Петра Великого – это первая половина Великой Революции России, это начатая на востоке Европы песнь раскрепощения человека...», – писал один из основателей движения С. Чахотин [8]. Чахотин предлагал свой взгляд на механизм развития исторического процесса.

Во всяком государственном организме, согласно Чахотину, существуют два основных элемента: «интеллект» и «тело», слой интеллигенции и народные массы. Государство может нормально развиваться, когда оба элемента проявляют максимальное напряжение свойственных их природе качеств, когда между ними существует правильное количественное соотношение и нормальное взаимодействие, наличествует «сопряженность друг с другом». Условия нормального, эволюционного развития должны удовлетворять четырем постулатам: 1) наличие специфической активности интеллигенции; 2) правильное количественное соотношение интеллигенции и масс народа; 3) гармоничное взаимодействие интеллигенции и народа; 4) специфическая активность народа [8].

Рассматривая с этой точки зрения ситуацию в период, предшествующий революции, Чахотин приходил к неутешительным выводам. Во-первых, в России существовала огромная диспропорция между количеством интеллигенции и народными массами, по отношению к которым интеллигенция была лишь тонкой пленкой. Во-вторых, утверждал он, русский народ находился в состоянии пассивности, в чем виноваты как природные условия (наличие огромных равнин, трудности связи, изобилие естественных богатств, отсутствие борьбы и конкуренции), так и преступная слепота, нежелание правящих кругов бороться с этой пассивностью, будить народ и, больше того, борьба правительства с попытками проявления активности. В-третьих, взаимодействие интеллигенции и народа находится на крайне низком уровне, наблюдается отчужденность интеллигенции от народных масс. Таким образом, условия русской жизни не соответствуют трем из четырех сформулированных постулатов. И лишь в отношении специфической активности русской интеллигенции Чахотин готов дать положительный ответ, да и то лишь частично. Русская интеллигенция чрезвычайно активна лишь в культурном отношении, ее отличает и моральная высота. Но в то же время она нежизненна, непрактична и в силу этого недостаточно действенна. Отсутствие тесного контакта с народом порождает ее неустойчивость и дряблость. Тем не менее высокий уровень культуры русской интеллигенции сыграл в политической истории России огромную роль. Русское государство, сформировавшееся после петровских реформ, – создание именно интеллигенции.

Государство это оказалось нежизнеспособным в силу низкой активности народных масс. Революция Петра I была не доведена до конца, народ остался спать, что сказалось и на реализации других постулатов. События октября 1917 г., по Чахотину, это логическое продолжение общественных процессов, начало которым положено Петром I, они призваны исполнить четвертый постулат: пробудить активность русского народа.

Близкую точку зрения высказывал и С. Лукьянов, трактовавший революцию как смену культурных миров. Он выделял несколько типов революции: 1) сравнительно мало меняющие содержание эпохи, когда на смену одному общественному слою – носителю культуры приходит другой, в основном продолжающий традиции предшествующего; 2) устраняющие прежнего носителя культуры, «разрывающие народное тело на части», в силу чего единая национальная культура распадается на культуру высших и низших общественных слоев; 3) осуществляющие восстановление когда-то утраченного

культурного единства. Многие сменовеховцы и другие представители русской философско-социологической мысли связывали с реформами Петра I возникновение в русском обществе глубокой культурной разобщенности и даже пропасти между культурой образованной части общества и народной культурой, следствием чего было существование в России на протяжении длительного времени двух культурных миров. Русская интеллигенция, сознавая свою культуру и социальную изолированность от народа, неустанно искала средства для наведения моста. Это была, считал С. Лукьянов, основная культурно-историческая проблема русской жизни, и революционные события октября 1917 г. стали фактором, создающим необходимые предпосылки для ее решения. «Основной культурно-исторической задачей революции 1917 г. было, – писал он, – создание условий для восстановления русского культурного единства» [9, с. 8].

Оценивая результаты революции, С. Лукьянов отмечал, что в области социальных отношений – это превращение народных масс в сознательных строителей своей и государственной жизни, в области экономической – это выдвигание труда на подобающее ему место, устранение коренных противоречий между имущими и неимущими; в сфере политической в результате революции возникли такие формы организации власти, которые тесно связали ее носителей с народом.

Сменовеховцы давали положительную оценку действиям советской власти, направленным на сохранение культурных достижений прошлых эпох, создание условий для усвоения их широкими массами трудящихся. В этом контексте рассматривались мероприятия новой власти по борьбе с неграмотностью, созданию системы народного образования. Важным моментом на пути создания синтетической русской культуры они считали максимально возможное использование достижений фундаментальных наук для решения прикладных технико-экономических и социальных задач.

Аналогичную задачу необходимо решить и в области экономической жизни, где самым трудным, по мнению того же С. Лукьянова, будет установление равнодействующей между глубочайшими народными идеалами и требованиями реальной жизни. С этих позиций новая экономическая политика советской власти рассматривалась как поиск примирения между интересами личности и государства.

Другим аргументом, лежавшим в основании идеи «приятия» революции, стал вывод о национальном характере революции. Оценивая революционные события с точки зрения их связи с русскими национальными задачами, участники движения констатировали, что диалектика истории выдвинула советскую власть с ее идеологией интернационализма на роль национального фактора современной русской жизни. Социальной базой белого движения, по Устрялову, стали, с одной стороны, классы и социальные группы, в чем-то ущемленные революцией, а с другой стороны, национально-демократическая интеллигенция, которая усматривала в большевиках силу, враждебную русскому государству, национально разрушающую силу. По мере усиления новой власти, укрепления ее международного авторитета, выявления стремления советской власти всеми силами и средствами во имя идеи мировой революции воссоединить окраины России с центром «национальные аргументы» борьбы с нею отпадают. Остаются лишь групповые, классовые основания, но

они не могут иметь значения для национально-демократической интеллигенции. Отсюда следовал вывод, что продолжение иностранной военной интервенции, гражданской войны выгодны лишь тем, кто потерял свое привилегированное положение в результате крушения старой власти. Патриотически настроенная интеллигенция должна, по мнению Устрялова, идти одним путем с большевиками в деле возрождения России как единого и великого государства, несмотря на бесконечные различия в идеологической области. «С точки зрения русских патриотов, – писал Устрялов, – русский большевизм, сумевший влить хаос революционной весны в суровые почетные формы своеобразной государственности, явно поднявший международный престиж объединяющейся России и несущий собой разложение нашим заграничным друзьям и врагам, должен считаться полезным для данного периода фактором в истории русского национального дела» [6, с. 8]. Эту мысль Н. В. Устрялов повторял не один раз в своих многочисленных статьях и выступлениях. «Прекрасно знаю, – писал он в харбинской газете “Новости Жизни” 4 мая 1920 г., – что большевизм богат недостатками, что многие возражения против него с точки зрения культурной (вульгарный материализм, “механизация жизни”), экономической (“немедленный коммунизм”) и политической (антиправовые методы управления) еще продолжают оставаться в силе. Но главное возражение – с точки зрения национальной – отпало. Следовательно, и преодоление всех тягостных последствий революций должно ныне выражаться не в бурных формах вооруженной борьбы, а в спокойной постепенности мирного преобразования, путем усвоения пережитых уроков и опытов» [6, с. 12].

Среди обвинений, выдвигающихся в правой части русской послеоктябрьской эмиграции против идеологии сменовеховства, было и то, что большевики, восстанавливая «тело» России, одновременно убивают ее «душу», прививают чуждую национальной традиции философию (материализм), подрывают основы национальной культуры, тем самым уничтожая смысл существования страны. Все это плохо согласуется со сменовеховскими заключениями о национальном характере большевистской власти.

Отвечая на эти обвинения, Н. В. Устрялов подчеркивал динамический характер души народа, изменчивость содержания понятия «национальный гений». Несмотря на резкое отличие новой власти и ее идеологии от старой, это не означает, полагал он, что власть эта не имеет национального характера. Устрялов и его единомышленники, отвергавшие идейно-теоретические основания проводимых партией большевиков социально-экономических преобразований, считали все же, что в своем конкретном воплощении они несут нередко осуществление некоторых частичных истин. Нельзя при этом не отметить и того обстоятельства, что сменовеховцы усиленно подчеркивали связь идеологии победившей революции с революционно-демократической традицией русской общественной мысли и культуры: «Белинский и Писарев такие же русские, как и Достоевский, равно как “интернационал” есть, несомненно, искривленное отражение “всечеловечества”» [6, с. 54].

Указывая на национальные корни революционной идеологии, сменовеховцы вместе с тем стремились показать, что процесс революции, ее исторический смысл значительно глубже и шире, чем это отражено в ее официальной, «канонизированной» идеологии, что он вмещает в себя, кроме революционно-демократической, и многие другие струи русской культуры, вплоть

до идей В. Соловьева. Утверждения о ненациональном характере революции, имевшие хождение в кругах эмиграции, расценивались идеологами сменовеховства как недоразумение, результат игнорирования всей истории русской политической и общественной мысли. Начавшись как типичнейший русский бунт, «бесмысленный и беспощадный», она в то же время таила в себе и нравственные глубины и своеобразную правду. В революции видели и причудливо преломленный дух славянофильства, влияние идей Белинского, нотки чаадаевского пессимизма, следы печоринской «патрофобии» и герценовского революционного романтизма, писаревского утилитаризма, учения Чернышевского, якобинизма ткачевского «Набата» с его апологией «инициативного меньшинства», не говоря уже о Достоевском. «Легальные марксисты» 90-х гг.; Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве, М. Горький, «соловьевцы» А. Белый и А. Блок – все так или иначе внесли свой вклад в дух революции. «Я мог бы, – писал Н. Устрялов, – органическую связь каждого из крупных русских интеллигентских течений прошлого и нынешнего века с духом великой русской революции подтвердить документально...» [6, с. 47].

Выявление новых аспектов смысла революции, далеко выходящих за пределы ее официальных идеалов и требований, за рамки марксистского ее понимания, как бы устраняло препятствия идейного характера для принятия революции и примирения с советской властью, служило оправданием для сменовеховства перед непримирившимся крылом эмиграции. Таким образом, примиряясь с советской властью, сменовеховцы, по крайней мере часть их, стремились сохранить свой собственный идейный облик, не переходить границы, отделяющие философско-социологические позиции сменовеховства как формы буржуазного либерализма от идеологии большевизма.

Большевики, возглавившие революционный народ, оказались, с точки зрения сменовеховцев, наиболее русскими и по складу ума, и по темпераменту. Заслугу большевиков, как казалось участникам движения, состоит прежде всего в том, что через них русская интеллигенция начала преодолевать свое историческое отщепенство от государства. При этом они полагали, что идеология большевизма имела мало общего с духовным миром русского народа. Причина успеха в том, что к народу большевики были обращены не марксистскими схемами, а бунтарским духом, пафосом предельной правды и соблазнительными социальными лозунгами. По мере развития революции «серая теория» растворялась, преодолевая себя в «зеленом дереве жизни».

Русская революция в оценке идеологов сменовеховства, будучи одновременно и продуктом западной культуры, и величайшим бунтом против нее, против того, что славянофилы называли «внешней правдой», рационализмом западной культуры, а также против того, что Герцен называл «мещанством европейского духа». В процессе революции народ приобщился к сознательному государственному творчеству. После завершения единого, неразделимого на мартовский и октябрьский фазисы революционного процесса открылась возможность эволюционным путем достичь целей, оказавшихся недостижимыми методами чисто революционными, закрепить в жизни подлинно ценное из завоеваний революции и исправить ее неизбежные ошибки. Понять эти возможности и приступить к практическому использованию их и должен «русский демократический либерализм» [10].

Необходимо отметить, что часть русской интеллигенции, объединившаяся в свое время вокруг сборника «Вехи» (1909), выступила в качестве

идейного преемника не только либеральных учений, но и русского консервативного традиционализма с его культом сильной государственной и национальной идеей, породив тем самым своеобразное явление – «либеральный консерватизм» [11]. Но большая часть российских либералов, связанных с кадетской партией, до революции 1917 г. относилась отрицательно к традициям консервативной государственности. В той мере, в какой сменовеховство признавало новую государственность, оно фактически отказывалось от основополагающего принципа либерализма – свободы как высшей ценности.

Произошла подлинная смена вех, причем не только в политической тактике, но и в мировоззрении. То, что после первой русской революции решительно отвергалось, теперь вводилось в качестве важнейшего элемента в теоретический фундамент мировоззрения. Однако этот сдвиг в сторону позиций, отстаиваемых участниками «Вех», в особенности П. Б. Струве, не сделал «веховцев» союзниками нового идейно-политического движения. «“Смена вех” есть самое чудовищное явление в истории духовного развития России», – писал Струве, подчеркивая принципиальную противоположность идеологии «Смены вех» «Вехам» – «революционному отрицанию революционной идеологии» [12, с. 227]. Правда, как уже было показано, и сами участники «Вех» к тому времени разошлись в своем понимании и оценках революционных событий 1917 г. Сменовеховцы писали о целесообразности применения насилия в любой государственной системе, оправданности насильственных мер советского правительства чрезвычайными трудностями пореволюционного периода.

Говоря о разрушительных сторонах революции, сменовеховцы констатировали сопряженность всякого великого исторического события с разрушением. Культура только тем и жива, что постоянно разрушается и творится. Поэтому сам по себе факт разрушения не есть абсолютное зло. Он становится злом, если не сопровождается определенным творческим напряжением, которое присутствует во всяком крупном историческом движении. Государство имеет свою логику, свою «нравственность», примиряемую с нормами индивидуальной морали лишь на известной метафизической высоте. Государство в некотором отношении неизбежно «потусторонне к добру и злу», ибо его «добро» (а оно есть и вполне реально) – в иной несколько углубленной или возвышенной плоскости [13, с. 14].

Справедливости ради нужно отметить, что участники движения не абсолютизировали разрушительное начало, полагая, что его нужно сдерживать, насколько это возможно, утверждали, что проявления стихийных разрушительных сил в «критические эпохи» не дают еще морального права считать такие эпохи бесплодными, злыми или постыдными. «И думается мне, что подобно тому, как современный француз на вопрос “чем велика Франция” вам непременно ответит: “Декартом и Руссо, Вольтером и Гюго, Бодлером и Бергсоном, Людовиком XIV, Наполеоном и великой революцией”, – так и наши внуки на вопрос “чем велика Россия” с гордостью скажут: “Пушкиным и Толстым, Достоевским и Гоголем, русской музыкой, русской религиозной мыслью, Петром Великим и великой русской революцией!”» [5, с. 56].

Рассматривая исторический процесс с провиденциалистских позиций, сменовеховцы полагали, что революция вносит в мир новую «идею», одновременно разрушительную и творческую, которая в конце концов овладеет

миром. Очередная ступень всеобщей истории принадлежит именно этой идее. Но выдвигая и утверждая свои программы, проекты будущего, участники революции не в состоянии их осуществить в настоящем. Впрочем, выдвижение идеалов, программ, своего рода запрос ко времени и есть для сменовеховцев важнейшее в революции. Выдвинув «запрос» истории (а для русской революции таковым являются идеи социализма и коммунизма), революция неизбежно вступает на путь термидора, перерождаются ее ткани, преобразуются души участников, и, наконец, наступает гибель. Революция гибнет, но принципы ее с этого момента начинают эволюционно воплощаться в истории. «Она умирает, лишившись жала, но зато и организм человечества заражается целебной силой ее исцеляющего яда», – писал Н. В. Устрялов [13, с. 16]. В этом пункте позиции сменовеховцев значительно отличались от понимания революции Ж. де Местром, а также русскими философами Н. Бердяевым и другими, которые рассматривали революцию как возмездие за грехи и в очищающем страдании видели смысл революции. Такое понимание революции, усматривающее наибольшее приближение к идеалу в дореволюционном прошлом и сводящее значение всего революционного периода к значению искупительного страдания, в «значительной степени, – как отметил Л. П. Карсавин, – обеспложивает улавливаемую де Местром творческую стихию жизни. Оно ограничивает цели революции сравнительно узкими пределами частичных исправлений прошлого и очищения-искупления. Творчество стихии перестает быть творчеством, а идеал кажется уже данным в далеком прошлом» [14, с. 96].

Период термидора неизбежно заканчивается либо «дворцовым переворотом», уничтожающим наиболее одиозные фигуры руками их собственных сподвижников (конец Робеспьера), либо приспособлением лидеров движения к новой фазе революционного процесса. Этот путь связан с наименьшими потрясениями. Начало такого пути усматривали сменовеховцы в России. «Революция уже не та, хотя во главе ее все те же знакомые лица... Ныне есть признаки кризиса революционной истории. Начинается “спуск на тормозах” от великой утопии к трезвому учету обновленной действительности и служению ей...» [13, с. 24].

Интерпретируя сущность и законы социальной революции в социологическом аспекте, Н. В. Устрялов привлекал сформулированный В. Вундтом закон «гетерогении целей». В соответствии с этим законом существует спонтанная взаимозависимость между средством и целью. В массовых общественных движениях она обнаруживается в диалектической игре «лукавого разума, для которого страсти индивидуумов не более, чем дань, которую материя платит идее...» [13, с. 185]. Сменовеховец утверждал, что в больших исторических движениях, ставящих себе большие отвлеченные цели, в процессе их осуществления происходит задержка в царстве самих средств, и объективно получается так, что подлинной целью, истинным смыслом движения оказывается не его субъективные замыслы, а его наличные, реальные достижения. Средства, таким образом, превращаются в цель. Но по мере движения возникают и новые идеи, в итоге может быть осуществлен поворот в сторону от первоначальных целей. И, наконец, сама первоначальная цель может превратиться в средство. Поскольку объективный смысл общественных процессов воплощается не в непосредственных и прямолинейных планировках,

а в сложной и изогнутой конфигурации средств, обходов, перепутий, то историческая диалектика, делал вывод Устрялов, часто превращает центральные и красочные фигуры в «несознательных попутчиков подлинных своих предначертаний и задач, до времени неисповедимых» [13, с. 186].

Если применить этот вывод к реальности тех лет, то речь шла о неизбежной смене лидеров общества, отягощенных революционным максимализмом, на «спокойный и расчетливый рассудок “спецов”, умеющих хоть как-то способствовать наращению “клеток жизни”, изыскивать пути эволюции к лучшему будущему».

По оценке участников сборника «Смена веков», в истории России завершился длиннейший революционный период, и в дальнейшем открывается период быстрого и мощного эволюционного прогресса. «...Передельвая все, – писал Ю. В. Ключников, – великая русская революция впервые оказалась способной открыть пути для яркого и могучего русского либерализма, как после нее же впервые становится возможен прогрессивный и устойчивый русский консерватизм» [3, с. 43].

Новая экономическая политика была воспринята многими сменовеховцами как подлинно пролетарский термидор, как эволюция новой власти в сторону от своих первоначальных замыслов. «Ленин, конечно, остается самим собой, идя на все эти уступки. Но, оставаясь самим собой, – писал Устрялов, – он вместе с тем, несомненно, “эволюционирует”, т.е. по тактическим соображениям совершает шаги, которые неизбежно совершила бы власть, враждебная большевизму. Чтобы спасти Советы, Москва жертвует коммунизмом. Жертвует с своей точки зрения лишь на время, лишь тактически, но факт остается фактом» [3, с. 17]. Для сменовеховцев нэп – это «экономический Брест большевизма» [15, с. 18], превращение коммунизма из реальной программы дня в своего рода «регулятивный принцип», все меньше отражающийся на конкретной организации страны. Поворот советской власти в области экономики рассматривался как «простое решение считаться с обычными свойствами человеческой психики» [16, с. 14].

Анализируя работы Устрялова и его последователей, мы обнаруживаем в них присутствие в качестве важнейшего элемента философско-исторических и социологических конструкций «русскую идею», русский мессианизм, истоки которого уходят в мир древнерусской литературы.

Берлинские сменовеховцы более определенно высказывались по отношению к западной демократии. Они разоблачали ее лицемерие, гнилость, эфемерность буржуазных свобод. А. Бобрищев-Пушкин, Г. Кирдецов, С. Лукьянов, А. Гурович, С. Чахотин и другие, резко критикуя социально-политический строй Запада, приходили к выводу, что у России нет возврата к такой демократии, где на фоне отвлеченного политического равенства существует и позорное экономическое неравенство. Социальным идеалом для них было «государство трудовой демократии», где будет господствовать «трудовое мировоззрение». Властью, свободой и равенством, в отличие от демократии западноевропейского типа, будут обладать не буржуазные элементы, а рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция [17]. обстоятельной разработки и освещения тема социального идеала у зарубежных сменовеховцев не получила. Из отдельных высказываний можно понять, что в будущем трудовом государстве не должно быть классов, партий, лишь «триединый народ» с разными

категориями труда – земледельческого, промышленного и умственного, которые не будут, как прежде, враждующими элементами, а нераздельными частями единого механизма.

Таким образом, в теоретическом и практическом отношении сменовеховство было явлением неоднородным и противоречивым, с довольно аморфным социальным идеалом. Стремление трезво оценить историческую ситуацию сопровождалось нередко абстрактно-мистическими рассуждениями. Решительная установка на признание революции и исторической миссии большевизма сопровождалась крайне неопределенными и противоречивыми констатациями будущего общественного устройства.

В советской печати 20-х гг., выступлениях марксистов того времени выделялись эти две стороны в сменовеховстве. Рассматривая его как показатель глубокого перелома в настроениях интеллигенции, правящая коммунистическая партия стремилась поддержать объективно-прогрессивную, с ее точки зрения, сторону движения и нейтрализовать негативные «буржуазно-реставраторские» тенденции.

Резкая оценка сменовеховских идей в официальных документах того времени как «классовой правды классового врага» вызвала возражения среди участников движения, поспешивших отвести обвинения в буржуазно-реставраторских намерениях. В публикациях марксистских авторов тех лет преобладала терминология и оценки, характерные для периодов острого социально-политического противоборства. В то же время проявлялась и известная гибкость в подходе к различным тенденциям в течении. Взгляды сменовеховцев освещались в партийной и советской печати, им разрешили читать лекции, устраивать диспуты и собрания интеллигенции внутри страны, публиковались интервью с приезжавшими в Советскую Россию Ю. Ключниковым и Ю. Потехиным, Госиздат дважды (в Твери и Смоленске) переиздал сборник «Смена вех», газета «Накануне» распространялась без препятствий внутри страны.

В целом сменовеховское движение повлияло на процесс изменения отношения интеллигенции к советскому государству, под воздействием его идей в страну вернулись многие представители послеоктябрьской эмиграции. К сожалению, судьба значительной части вернувшихся, в том числе и лидеров движения, оказалась трагичной. К середине 20-х гг. движение изжило себя. К этому времени большая часть эмиграции определилась в своем отношении к советской власти.

Подводя итог, можно отметить, что развиваемая сменовеховцами философия и социология революции вошла в русскую философско-социологическую культуру послеоктябрьского периода. Обращаясь к ним сегодня, мы имеем возможность получить более объемное изображение переломного периода отечественной истории.

Список литературы

1. **Ключников, Ю. В.** Наш ответ / Ю. В. Ключников // Смена вех : еженедельный журнал / под ред. Ю. В. Ключникова. – Париж, 1921. – № 1. – С. 1–4.
2. **Чохотин, С. С.** В Каноссу! / С. С. Чохотин // Смена вех : сб. ст.: Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чохотина и Ю. Н. Потехина. – Прага : Наша речь, 1921. – С. 158–159.
3. **Ключников, Ю. В.** Смена вех / Ю. В. Ключников // Смена вех : сб. ст.: Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чохотина и Ю. Н. Потехина. – Прага : Наша речь, 1921. – С. 3–51.

4. **Струве, П.** Историко-политические заметки о современности / П. Струве // Русская мысль : ежемесячное лит.-полит. изд. / ред. П. Струве. – София : Рос.-болг. книгоизд-во, 1921. – Кн.V–VI. – С. 208–224.
5. **Устрялов, Н. В.** PATRIOTICA / Н. В. Устрялов // Смена вех : сб. ст.: Ю. В. Ключникова, Н. В. Устрялова, С. С. Лукьянова, А. В. Бобрищева-Пушкина, С. С. Чахотина и Ю. Н. Потехина. – Прага : Наша речь, 1921. – С. 52–71.
6. **Устрялов, Н. В.** В борьбе за Россию / Н. В. Устрялов. – Харбин : Окно, 1920. – 132 с.
7. **Устрялов, Н. В.** Два страха / Н. В. Устрялов // Новости жизни : ежедневная политическая, общественная, литературная, торгово-промышленная газета. – Харбин, 1920. – 13 авг.
8. **Чахотин, С.** Петр Великий и Великая русская революция / С. Чахотин // Накануне : ежедневная газета / под ред. Ю. В. Ключникова, Г. Л. Кирдецова. – Берлин, 1922. – 13 авг.
9. **Лукьянов, С. С.** Революционное творчество культуры / С. С. Лукьянов // Смена вех : еженедельный журнал / под ред. Ю. В. Ключникова. – Париж, 1921. – № 2. – С. 7–9.
10. **Потехин, Ю.** Без союзников и тактики / Ю. Потехин // Накануне : ежедневная газета / под ред. Ю. В. Ключникова, Г. Л. Кирдецова. – Берлин, 1922. – 20 апр.
11. **Гайденок, П. П.** Под знаком меры (Либеральный консерватизм П. Б. Струве) / П. П. Гайденок // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 54–64.
12. **Струве, П.** Прошлое, настоящее и будущее / П. Струве // Русская мысль. – Прага, 1922. – Кн. I–II. – С. 222–231.
13. **Устрялов, Н. В.** Под знаком революции : сб. ст. / Н. В. Устрялов. – Харбин : Русская жизнь, 1925. – 356 с.
14. **Карсавин, Л. П.** Жозеф де Местр / Л. П. Карсавин // Вопросы философии. – 1989. – № 3. – С. 93–118.
15. **Устрялов, Н. В.** Эволюция и тактика / Н. В. Устрялов // Смена вех : еженедельный журнал / под ред. Ю. В. Ключникова. – Париж, 1921. – № 1. – С. 17–19.
16. **Устрялов, Н. В.** Национал-большевизм (Ответ П. Б. Струве) / Н. В. Устрялов // Смена вех : еженедельный журнал / под ред. Ю. В. Ключникова. – Париж, 1921. – № 13. – С. 13–16.
17. **Лукьянов, С.** От старого к новому / С. Лукьянов // Накануне : ежедневная газета / под ред. Ю. В. Ключникова, Г. Л. Кирдецова. – Берлин, 1922. – 15 июля.

References

1. Klyuchnikov Yu. V. *Smena vekh: ezhenedel'nyy zhurnal* [Change of signposts: weekly journal]. Parizh, 1921, no. 1, pp. 1–4.
2. Chakhotin S. S. *Smena vekh: sb. st.: Yu. V. Klyuchnikova, N. V. Ustryalova, S. S. Luk'yanova, A. V. Bobrishcheva-Pushkina, S. S. Chakhotina i Yu. N. Potekhina* [Change of signposts: collected articles by Yu. V. Klyuchnikov, N. V. Ustryalov, S. S. Luk'yanov, A. V. Bobrishchev-Pushkin, S. S. Chakhotin i Yu. N. Potekhin]. Praga: Nasha rech', 1921, pp. 158–159.
3. Klyuchnikov Yu. V. *Smena vekh : sb. st.: Yu. V. Klyuchnikova, N. V. Ustryalova, S. S. Luk'yanova, A. V. Bobrishcheva-Pushkina, S. S. Chakhotina i Yu. N. Potekhina* [Change of signposts: collected articles by Yu. V. Klyuchnikov, N. V. Ustryalov, S. S. Luk'yanov, A. V. Bobrishchev-Pushkin, S. S. Chakhotin i Yu. N. Potekhin]. Praga: Nasha rech', 1921, pp. 3–51.
4. Struve P. *Russkaya mysl': ezhemesyachnoe lit.-polit. izd.* [The Russian thought: monthly literary political issue]. Sofiya: Ros.-bolg. knigoizd-vo, 1921, bk. V–VI, pp. 208–224.
5. Ustryalov N. V. *Smena vekh: sb. st.: Yu. V. Klyuchnikova, N. V. Ustryalova, S. S. Luk'yanova, A. V. Bobrishcheva-Pushkina, S. S. Chakhotina i Yu. N. Potekhina* [Change of signposts: collected articles by Yu. V. Klyuchnikov, N. V. Ustryalov, S. S. Luk'yanov,

- A. V. Bobrishchev-Pushkin, S. S. Chakhotin i Yu. N. Potekhin]. Praga: Nasha rech', 1921, pp. 52–71.
6. Ustryalov N. V. *V bor'be za Rossiyu* [In struggle for Russia]. Kharbin: Okno, 1920, 132 p.
 7. Ustryalov N. V. *Novosti zhizni: ezhednevnyaya politicheskaya, obshchestvennaya, literaturnaya, torgovo-promyshlennaya gazeta* [Life news: daily political, social, literary, commercial and industrial newspaper]. Kharbin, 1920, 13 August.
 8. Chakhotin S. *Nakanune: ezhednevnyaya gazeta* [On the eve: daily newspaper]. Berlin, 1922, 13 August.
 9. Luk'yanov S. S. *Smena vekh: ezhenedel'nyy zhurnal* [Change of signposts: weekly journal]. Parizh, 1921, no. 2, pp. 7–9.
 10. Potekhin Yu. *Nakanune: ezhednevnyaya gazeta* [On the eve: daily newspaper]. Berlin, 1922, 20 April.
 11. Gaydenko P. P. *Voprosy filosofii* [Philosophical problems]. 1992, no. 12, pp. 54–64.
 12. Struve P. *Russkaya mysl'* [The Russian thought]. Praga, 1922, bk. I–II, pp. 222–231.
 13. Ustryalov N. V. *Pod znakom revolyutsii: sb. st.* [Under the sign of revolution: collected articles]. Kharbin: Russkaya zhizn', 1925, 356 p.
 14. Karsavin L. P. *Voprosy filosofii* [Philosophical problems]. 1989, no. 3, pp. 93–118.
 15. Ustryalov N. V. *Smena vekh: ezhenedel'nyy zhurnal* [Change of signposts: weekly journal]. Parizh, 1921, no. 1, pp. 17–19.
 16. Ustryalov N. V. *Smena vekh: ezhenedel'nyy zhurnal* [Change of signposts: weekly journal]. Parizh, 1921, no. 13, pp. 13–16.
 17. Luk'yanov S. *Nakanune : ezhednevnyaya gazeta* [On the eve: daily newspaper]. Berlin, 1922, 15 July.

Кошарный Валерий Павлович

доктор философских наук, профессор,
кафедра философии и социальных
коммуникаций, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: dep-ph@pnzgu.ru

Kosharnyy Valeriy Pavlovich

Doctor of philosophy, professor,
sub-department of philosophy and social
communications, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 1(091)

Кошарный, В. П.

Социология революции сменовеховства / В. П. Кошарный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 4 (40). – С. 132–148. DOI: 10.21685/2072-3016-2016-4-15